

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

**КУЛЬТУРА:
ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ**

Москва
НАУКА
2015

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ АКАДЕМИКА ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА* (Послесловие к празднованию 100-летия)

В России завершился *Год академика Д. Лихачева*, провозглашенный специальным Указом Президента РФ В. Путина [1]. Научное сообщество отметило юбилей ученого традиционно — проведением ряда научных конференций [2] и переизданием его трудов [3]. Были открыты интернет-сайты, посвященные научной деятельности и биографии академика [4], издан ряд не публиковавшихся ранее его работ [5].

В результате значительно расширились представления о круге научных интересов Д. Лихачева, были признаны научными многие его работы, относившиеся ранее к публицистике [6]. Литературовед и историк культуры получил признание и как теоретик культуры, искусствовед. Интерес к его наследию проявили ученые-педагоги, философы, юристы и представители других отраслей научного знания. Не случайно на заседании Отделения историко-филологических наук РАН в декабре 2006 года было предложено относить академика к числу ученых-энциклопедистов, типу исследователей, практически не встречающемуся в науке начиная со второй половины XX века [7].

Возможно, экономика осталась едва ли не единственной из «нетехнических» наук, в которой еще не выявлены заслуги Д. Лихачева, не обсуждены или не получили оценки. Такое положение на первый взгляд представляется совершенно справедливым: у ученого не только не было специальных трудов, посвященных данной сфере человеческой деятельности, но практически не встречаются и упоминания экономических факторов, процессов, явлений.

Во всяком случае, чтобы отыскать хотя бы какие-то фразы на темы экономики в 1337 известных на конец 2006 года публикациях академика [8], нужно приложить немало усилий. «Распад Киевского государства был вызван новыми экономическими и политическими условиями, создавшимися в связи с ростом производительных сил в местных федеральных центрах» [9]; «...быстрое экономическое развитие русских

---

* Печатается по тексту статьи в журнале «Труд и социальные отношения» (2007): см. № 76 Библиографического указателя.

земель, развитие ремесел и разделение труда, приводившее к усиленному торговому обмену между отдельными областями, экономически подготовляло постепенное политическое объединение русских земель в единое централизованное государство» [10]; «...в XII веке на базе развития феодального способа производства, на базе развития основного классового противоречия феодального общества — между феодалами-землевладельцами и закрепощаемыми крестьянами — происходит борьба сил раздробленности и централизации» [11]; «...Киев продолжает, тем не менее, играть прежнюю роль политического и культурного центра Русской земли, продолжая расширяться, богатеть и украшаться. Растет и крепнет киевское ремесло и торговля, строятся новые храмы и княжеские “дворы”, растут монастыри» [12], — вот, пожалуй, и вся «экономическая теория», которую можно найти в трудах ученого с 1946 по 1980 год.

Знакомство с научным наследием академика, да и с воспоминаниями современников, описывающих его личную жизнь, создает впечатление, что вся деятельность Дмитрия Сергеевича прошла как бы вне экономических реалий и категорий. «У деда, как у многих интеллигентов старого образца, не было стремления не то чтобы к роскоши, но даже к некоторой благоустроенности. Деда не волновало, где жить — в центре или на окраине, какие в квартире потолки, балконы, интерьер. В 70-е мои родители стали собирать старинную мебель — покупали красное дерево в комиссионном на улице Марата, потом реставрировали, иногда папа это делал собственноручно, и расставляли со вкусом и логикой. Дед беспощадно клеймил это занятие: “Мещанство, стыдно, недостойно!”», — пишет внучка ученого [13]. Говоря о периоде 1970–1980-х годов, писатель Даниил Гранин отмечает: «Лихачев был очень обеспеченным человеком. Ему хорошо платили за его работы. У него было много изданий у нас и за границей, заграничных и наших наград и премий. Он мог позволить себе очень многое, но не позволял. <...> Он жил скромно, потому что считал, что так должен жить интеллигентный человек» [14].

Можно предположить, что если бы не идеологические требования к публикациям того времени, то и процитированные выше фрагменты в его трудах, формально связанные с экономической теорией советского времени, не были бы написаны. Так же, впрочем, как не были бы включены в работы и чрезвычайно редко встречающиеся ссылки на Карла Маркса, Владимира Ленина и других классиков советского времени.

Более того, знакомство с текстами академика перестроечного и постперестроечного периодов позволяет говорить чуть ли не о некоем его «антиэкономизме»: к примеру, существуют прямые высказывания Д. Лихачева о том, что интеллигент не имеет права при принятии принципиальных, общественно значимых решений руководствоваться материальными соображениями. «Интеллектуальная независимость является

чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, *коммерческих* (курсив мой. — А. З.) и даже просто карьерных» [15], — говорит он в одной из дискуссий по проблемам интеллигенции, организованных нашим университетом в середине 1990-х годов.

И все же оказаться совсем в стороне от вопросов экономики Д. Лихачеву не удалось. Ведь «антиэкономизм» — это тоже экономическое воззрение, только особого рода. Если перефразировать одного из отечественных классиков, то следует признать, что невозможно жить в обществе и быть свободным от мыслей о его экономических отношениях.

Разумеется, Дмитрий Сергеевич не принадлежал к какой-либо экономической школе. Однако, думается, что его идеи ближе всего к институциональному направлению экономической мысли. Лихачева можно назвать «интуитивным институционалистом», который не придавал решающего значения рынку.

В современной экономической теории появилась дискуссионная, но весьма интересная точка зрения на дореволюционную Россию, отрицающая в принципе наличие в ней капиталистического рынка в его классическом (западном) понимании. В числе ее авторов можно назвать американского профессора Ричарда Пайпса. В изданной у нас в стране в 1993 году монографии «Россия при старом режиме» [16] профессор утверждает, что в дооктябрьской России буржуазия как класс вообще не сформировалась. От констатации отсутствия у нас буржуазии как движущей силы рыночной экономики Р. Пайпс перебрасывает мостик к неразвитости, «невнедренности» в России ключевых экономических ценностей Запада. В данном отношении американский экономист предлагает по сути дела признать Россию качественно иным, недоразвитым по сравнению с Западом, «отставшим навсегда» типом цивилизации.

Разумеется, идея «вечного отставания» не могла быть воспринята позитивно российскими коллегами Р. Пайпса. По всей видимости, из-за чего его концепции и подверглись серьезной критике (назовем хотя бы публикацию А. Галаган [17]). Вместе с тем в позиции американского ученого содержалось, очевидно, и некое рациональное зерно: отечественный дореволюционный капитализм отличался специфическими особенностями. Не случайно профессор Р. Гусейнов пишет: «С середины XIX века Россия начала длительный путь формирования буржуазных производственных отношений. К XX веку она подошла в переходном состоянии, когда ни одна содержательная характеристика капитализма не существовала в развитом виде. Капиталистическая экономика существовала лишь как тенденция, а не как система» [18].

Если полагать, что во всей дореволюционной истории России капиталистического рынка не было, тогда, разумеется, в отечественной истории его не было никогда. В этой связи и позицию Д. Лихачева,

игнорировавшего сколько-нибудь существенное значение рынка, следует признать естественной. Здесь важно отметить, что в целом ряде исследований Дмитрий Сергеевич использовал метод прямых интуиций. Огромный массив базовых знаний помогал ему нередко формулировать итоговые выводы сразу после постановки проблемы, без традиционной цепочки логических обоснований. Необходимо заметить также, что в истории, культурологии, педагогике и ряде других направлений развития научного знания лихачевские выводы означали существенное продвижение вперед.

С учетом сказанного представляется уместным вернуться к тезису об интуитивном институционализме Дмитрия Лихачева.

Современное понимание институционализма хорошо просматривается в работах целого ряда отечественных авторов. Упомянем, к примеру, К. Ляско [19], А. Шаститко [20] и процитируем профессора Л. Бляхмана: «Институциональная концепция структурных реформ в наибольшей степени соответствует условиям России», — пишет он. И далее продолжает: «Социальный институт — совокупность формализованных (правовых) и неформальных (традиции, привычки, корпоративная, деловая и трудовая мораль) внешних норм, а также социальных систем (административной, судебной, правоохранительной, информационной и т. д.), регулирующих совместную деятельность людей, поведение хозяйствующих субъектов. Социальные институты — это совокупность правил, механизмов их реализации и норм поведения, которые превращают множество предприятий и других организаций в социально-экономическую систему, обеспечивают их эффективное взаимодействие» [21].

Л. Бляхман обращает внимание на то, что в рамках институциональной теории экономика рассматривается как подсистема общества, а рыночные реформы и увеличение валового продукта — лишь как средство решения задач общественного развития, но не как самоцель. Поведение хозяйствующих субъектов в этой связи определяется не только законами макро- и микроэкономики, но и степенью доверия между гражданами и социальными институтами, уровнем защищенности личности и собственности и т. д. Неэффективная экономика России в контексте этой теории обусловлена низкой деловой активностью массы населения и *неудовлетворительным* управлением. Отсюда вытекает необходимость придания реформам в первую очередь характера преобразования институциональной среды рыночной экономики [22].

Таким образом, в рамках институционального подхода логично полагать, что сегодняшние проблемы российских трансформаций связаны с недостаточно высокой культурой производства, экономической деятельности, что свою очередь коренится в низкой общей культуре российского общества. Будучи стихийным институционалистом, Д. Лихачев и ощущает интуитивно, что рынок — важный, но далеко не главный

и уж тем более не единственный институт общества. И попытки государства абсолютизировать его роль в практической деятельности имеют губительные последствия.

Весьма интересны в этой связи идеи профессора В. Рязанова о значении иных (помимо рынка) факторов: «То, что человек и особенности его поведения играют весьма значительную роль в экономико-теоретических построениях, подтверждается и тем, что нередко само определение предмета экономической науки указывает на важность такой связи. В известной трактовке предмета экономической теории Л. Роббинс определял ее как науку, «изучающую человеческое поведение с точки зрения соответствия между целями и ограниченными ресурсами, которые могут иметь различное употребление» [23]. Данный автор указывает, что «выбор определенной модели человека в экономической теории можно рассматривать в качестве важной методологической предпосылки, от обоснованности которой во многом зависит достоверность ее содержательных выводов и рекомендаций». И далее пишет: «...обоснование модели человека не может быть ограничено узкоэкономическим подходом, опирающимся на принцип рациональности, оно должно учитывать влияние морально-ценностных норм, а потому анализировать соотношение экономики и этики» [24].

Более того, капиталистическая рыночная модель экономики отнюдь не универсальна. Из стран, придерживающихся этой модели, отнюдь не все добиваются процветания. Нельзя не согласиться с еще одним высказыванием профессора В. Рязанова: «Нужно иметь в виду, что большая роль нерыночных форм хозяйствования не столько отражает неразвитость или запаздывание в развитии, сколько выступает признаком включенности и интегрированности экономики в более сложную систему социальных отношений. В связи с этим отметим, что обособление экономики в жизни общества остается уникальным и до сих пор в полной мере не воспроизводимым примером именно западной модели цивилизации (прежде всего Европы и США), превратившей экономическую рациональность в доминирующую черту поведения индивидов и функционирования общественного организма. Даже Япония и неоиндустриальные страны (НИС), добившиеся во второй половине XX века замечательных экономических результатов, опирались в своем успехе в большей степени на другие основания» [25].

Для России нерыночные формы хозяйствования изначально были преобладающими. К примеру, Петр I создал командную экономику, в которой принцип экономической целесообразности не был ведущим. На рубеже XIX–XX веков страна начинает реформы, которые направлены на формирование капиталистических отношений, но серьезных успехов в формировании новых экономических отношений при этом не достигает. В стране господствовала нерыночная идеология, которая

являлась серьезным тормозом для капиталистических экономических отношений. «Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма “отбор” в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, то есть для того, чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некоторое мироощущение, носителями которого являлись группы людей», — писал Макс Вебер [26].

Нельзя не согласиться с профессором Р. Гусейновым, что «буржуазия создает для себя и идеологию, соответствующую новой экономической системе. Такой идеологией в Западной Европе стал, с одной стороны, протестантизм, с другой — либерализм. Буржуазия создала подлинный культ хорошо работающего, добродетельного и добросовестного человека, удача к которому приходит благодаря его способности трудиться и разумно рисковать. И с этим условием развития капитализма в России было не все в порядке. Здесь, напротив, до XX века господствовали иные идеологические установки: православие, самодержавие, соборность, общинность. Особую роль в консервации нерыночной идеологии сыграла ортодоксальная православная церковь, оказавшаяся неспособной к какой-либо прогрессивной эволюции» [27].

В России рыночная система в жизни общества никогда не играла столь существенной роли, как на Западе, и, думается, именно потому ученые-обществоведы не уделяли ей большого внимания, уверенные в том, что прогрессивные изменения лежат в другом измерении. Несомненно, академик Д. Лихачев осознавал, что в стране господствовала командная система, бороться с которой и что-то изменять можно было, только изменяя общественное сознание, повышая культурный уровень общества. Основным мотивационным механизмом отечественной системы являлось принуждение, а в крайнем варианте — насилие, которое он испытал на себе. Все вместе взятые соображения не вызвали у ученого стремления вторгаться в решение чисто экономических проблем. Но с точки зрения изменения институтов общества, оказывающих влияние на создание благоприятной экономической среды, его работы имеют существенное значение.

Без лихачевских идей вряд ли возможно решение таких проблем, как воссоздание в новых условиях корпоративной культуры и этики, формирование новой трудовой морали, социальной ответственности бизнеса и др. В этой связи закономерно, что научные воззрения Д. Лихачева оказались востребованными в дискуссиях экономистов в конце XX — начале XXI века. К примеру, ни одни из традиционных майских чтений СПбГУП, приуроченных к Дням славянской письменности и культуры, не обходились без таких дискуссий с обсуждением лихачевских идей на экономических секциях [28].

Казалось бы, мировая экономика накопила к настоящему времени достаточный опыт трансформаций от командно-административной к рыночной системе. С небольшими вариациями его прошли десятки стран. Но российская ситуация стала уникальной. «Пробуксовка» рыночных реформ и трагические социальные катаклизмы переходного периода усилили сомнения в том, что в России развитие рынка может быть локомотивом перемен. Анализируя причины неудач, крупнейшие отечественные специалисты — и теоретики, и практики — стали ощущать необходимость более основательной увязки регулирования развития экономики с социальным, ментальным и (шире) общекультурным контекстом [29]. По сути, отечественная экономическая система снова оказалась командной, а рынок — всего лишь одним, далеко не решающим институтом системы. В этой ситуации воровство и коррупция выглядят как экономические категории, тогда локомотивом экономики следовало бы провозгласить мораль и право.

Впрочем, тезис неолибералов о том, что сначала мы произведем экономические реформы и создадим процветающую экономику, а затем к ней «подтянутся» нравственность и культура, вызывал у многих специалистов сомнения еще в период существования Советского Союза. Утопичность этой концепции стала очевидной уже в знаменитой программе Г. Явлинского «500 дней» [30]. Даже самым доброжелательным аналитикам стало понятно, что любые экономические реформы, тем более предполагающие переход от социалистического, командно-административного уклада хозяйственной жизни к рыночному укладу, невозможно осуществить директивными методами, близкими по духу методам военного коммунизма.

В последнее время идеи либерализма подвергаются все более серьезной критике. Причем не только в России, но и на Западе. К примеру, профессор Массачусетского университета (США) Дэвид М. Котц пишет: «Торжество неолиберализма в течение последних двадцати пяти лет парадоксально, ибо его принципы не согласуются с историческим опытом, прежде всего в области экономического развития и экономической трансформации. Если рассмотреть процесс экономического развития, то даже в истории стран — основных столпов неолиберализма — США и Великобритании — не находится подтверждения их сегодняшним поучениям.

Традиционно считается, что Великобритания достигла промышленного превосходства на рубеже XVIII–XIX веков благодаря проведению политики свободной торговли (*Laissez-faire*). Однако, как показал Чан Хажун, в критический период, когда в ходе промышленной революции Великобритания догоняла своих соперников на континенте, государство активно вмешивалось и во внутреннюю экономическую политику, и во внешнюю торговлю страны в целях продвижения экономических

интересов Великобритании. В США в XIX в. государство устанавливало высокие тарифы и активно инвестировало в развитие национальной транспортной системы, что способствовало выдвижению США из положения аграрной страны на позиции лидирующей промышленной державы мира к концу столетия. Свободная торговля и неолиберализм в целом стали поощряться в обоих случаях только после того, как страны стали настолько сильными в экономическом отношении по сравнению со своими конкурентами, что уменьшение роли государства во всех странах стало служить средством продления экономического лидерства доминирующей державы» [31].

Академик Д. С. Львов справедливо констатирует: «Для наших либерал-реформаторов так и остался непонятым исходный тезис подлинных реформ — в ходе их осуществления надлежит не только перестроить саму реальность — экономику, но и скорректировать субъективное отношение людей к этой реальности, то есть трансформировать образ социального мира, который превалирует в сознании наших сограждан» [32]. Понятно, что «трансформировать образ» — это задача социально-психологическая, а в более широком смысле — задача, решение которой лежит в сфере культуры.

Как экономика связана с культурой? Что здесь первично и что вторично? В каком соотношении эти сферы находятся? Эти вопросы для современной экономической теории становятся одними из центральных. И оказывается, что научное наследие Д. С. Лихачева в поиске ответов на них, в осмыслении сегодняшних российских реалий может быть далеко небесполезным.

Советская идеология и вслед за ней наука утверждали верховенство материального начала над духовным: «бытие определяет сознание», «сфера производства — это базис, а культура — надстройка» и т. д. В тот период Дмитрий Сергеевич стремился официальной точке зрения не противоречить. «Экономический подъем вызывал подъем культуры, вел к дальнейшему развитию культуры...» [33], — писал он в 1979 году, видимо, памятуя о пребывании в Соловецком лагере на заре собственных научных изысканий.

Однако после прекращения идеологического диктата в науке и общественной жизни мы получили возможность познакомиться с иными его высказываниями. В постсоветский период стало очевидно, что на самом деле, по Лихачеву, культура — основа экономики, а не наоборот. Показательно выступление Дмитрия Сергеевича на заседании президиума Российского фонда культуры в 1992 году: «У нас нет культурной программы — есть экономическая, военная, а вот культурной нет, — говорил он. — Хотя культуре принадлежит первенствующее место в жизни народа и государства» [34]. Возможно, многие увидят в этой позиции некий полемический переклест. Однако, если учесть, что академик

придерживается классического определения культуры, его мнение заслуживает серьезного осмысления.

Оказалось, что на самом деле Дмитрий Сергеевич и на сравнительно ранних этапах своей научной биографии интересовался значительно более широким кругом явлений, нежели памятники культуры Древней Руси. Характерен следующий фрагмент одного из его выступлений в 1998 году: «Я помню, как говорил с академиком Николаем Ивановичем Вавиловым, который утверждал, что Россия — северная страна, а для северной страны наиболее подходящей формой земледелия является частное хозяйство; *за это он и заплатил* (курсив мой. — А. З.)» [35]. Видимо, горький личный опыт и сломанные судьбы многих великих российских ученых побудили Дмитрия Сергеевича не афишировать существенную часть своих воззрений в советское время. Он не хотел становиться диссидентом.

Следует отметить, что приведенное выше высказывание академика о ведущей роли культуры носило не декларативно-популистский характер, а вытекало из всей системы научных взглядов ученого, из его философии, миропонимания. По всей видимости, он был скорее идеалистом, нежели материалистом. Во всяком случае, знаменитому постулату «бытие определяет сознание» он предпочитал альтернативный, едва ли не противоположный взгляд. По крайней мере, Д. С. Лихачев считал, что материя не должна преобладать над духом, что она — «низменное начало». В этой связи ученый публично восстает против утрирования роли социально-экономического детерминизма в историческом развитии. «70 лет нас воспитывали в пессимизме, в философских учениях пессимистического характера. Ведь марксизм — это одно из самых отчаянно пессимистических учений. Материя преобладает над духом, над духовностью — одно это положение говорит уже о том, что материя, то есть низменное начало, первична, и с этой точки зрения разбирались все литературные, художественные произведения; в основе всего искали классовую борьбу, то есть ненависть. И на этом воспитывалась наша молодежь. Что же удивляться, что у нас в отношении нравственности установились пессимистические нормы <...> Но дело не только в том, что материя не является основой духовности, а в том, что сами законы, которые предписывает наука, порождают этот пессимизм. Если от воли человека ничего не зависит, если история идет своими путями, независимо от человека, то ясно, что человеку не за что бороться, а значит, и не нужно бороться. Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. <...> Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не давали никуда отклониться, в истории нет» [36].

Разумеется, эта цитата, вырванная из общего эмоционального контекста устной научной дискуссии, не должна трактоваться как полное

отрицание Д. С. Лихачевым закономерностей исторического развития. В целом ряде научных работ академик таковые закономерности не только признает, но и опирается на них в своих теоретических построениях. Например, когда речь идет о реформах Петра, которые, по Лихачеву, «были подготовлены не только явлениями XVII в. Эта эпоха явилась закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу Нового времени» [37].

По всей видимости, Дмитрий Сергеевич протестует лишь против гипертролизации материальных факторов развития в ущерб духовно-нравственным, культурным.

Характерно и принципиально, что для Лихачева понятие ценностей носит культурный характер. «Под культурными ценностями, — пишет он, — подразумеваются не только отдельные объекты — памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора... традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т. д. <...> Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла» [38]. Понятие ценностей у него не связано напрямую с материальным или нематериальным характером явлений и уж тем более с денежным.

Финансовая деятельность в контексте взглядов ученого имеет характер третьестепенный, подчиненный. Тема финансов у Д. С. Лихачева вообще возникает только как своего рода реакция на «импульсы» из «мира денег» — там и тогда, где и когда речь заходит о необходимости поддержки культуры со стороны государства. «Культура во всех ее формах, — считает он, — имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей, в первую очередь, и культуры всех этносов, проживающих на территории государства. <...> Самокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры. “Самокупаемая” культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей» [39].

Дмитрий Сергеевич так обосновывает эту свою позицию: «Культура не может существовать без дотаций со стороны государства. Она дает свой невидимый “доход” в виде уважения со стороны других государств, роста нравственности, любви к своей стране, упорядочения общественной жизни. А главное — управление страной становится более умным, ибо умным народом легче управлять умно: увеличивается предсказуемость. Когда говорят, что каждый народ достоин своего правительства,

то понимать это следует не в том смысле, что народ сам себя как бы наказывает своим правительством, а в том смысле, что стране с низкой культурой необходимо особое управление (сильные карательные органы, особое законодательство, предусматривающее преступления, немислимые в культурном обществе, сложные системы голосования и т. д.)» [40]. Квинтэссенцией его культуроцентризма является следующее высказывание: «...Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства» [41].

Если для философских воззрений академика Д. С. Лихачева материя низменна, вторична по отношению к духу, к духовному, то Лихачев-культуролог относится к материальной стороне жизни совершенно иначе. Думается, его нельзя упрекнуть в пренебрежительном или уничижительном отношении к производству, торговле, финансово-экономической деятельности. Данную сферу он рассматривает как полноправную часть культуры наряду с литературой, искусством, инженерно-технической сферой, бытом и др. (Другое дело, что литература и искусство в силу основного научного профиля привлекают его внимание в первую очередь.)

Характерно, к примеру, что в контексте разговора об архитектуре Петербурга торговые ряды, приказы, рынки естественным образом находятся для него в едином культурном пространстве вместе с Адмиралтейством, Меншиковским дворцом и православными храмами. Петербургская торговля выступает здесь органичной частью русской культуры. «“Двенадцать коллегий” — это сеть, анфилада зданий, примыкающих друг к другу по тому типу, как примыкали приказы в Москве. <...> Еще одна особенность русских городов, ярко выраженная в Петербурге, — гостиные дворы, характерные для Архангельска, Новгорода, Костромы, Ярославля, Калуги и многих других русских городов. Все они имели солидные торговые центры в виде гостиных дворов. В Петербурге их несколько: большой Гостиный Двор (угол Невского проспекта и Садовой), Апраксин двор, Никольский двор, Андреевский рынок и так далее. Наличие гостиных дворов в Петербурге придавало его торговле вид и характер, типичные для русских городов. Русский характер придавался Санкт-Петербургу и русскими церквами...» [42]. Делясь своими детскими впечатлениями, ученый рассказывает: «В Петербург часто приезжали крестьяне, главным образом Олонецкой, Ярославской, Новгородской, Архангельской и прочих губерний. Лодки с северной глиняной посудой и игрушками въезжали в Лебяжью канавку, Мойку, Фонтанку и здесь торговали привезенным. Крестьяне, приходившие в город на заработки, приводившие барки с кирпичом и дровами, создавали особый

колорит Петербурга, связанного со всеми другими частями России водным транспортом. Одним словом, Петербург как город — не просто европейский, он явно русско-европейский город» [43].

Ломка советского социально-экономического уклада жизни приходится на завершающий период жизни Д. С. Лихачева. 90-е годы — особо трудное время для отечественной интеллигенции. Кажется, чуть ли не вся страна круто поворачивается от духовной жизни, культуры к проблемам материального обогащения. Дмитрию Сергеевичу уже за восемьдесят. Он глубоко переживает постигшую страну социальную катастрофу, испытывает разочарование и боль от сознания неисчислимых бед и лишений, которые приносят хаотичные и непродуманные реформы миллионам простых людей. И вместе с тем пытается выработать свою позицию по отношению к новым российским реалиям.

В это время в его воззрениях проявляется удивительное и заслуживающее серьезнейшего осмысления уже нашим поколением сочетание либеральных идей с социальной ориентированностью, трудно совместимой с произошедшей в XX веке поляризацией основных экономических моделей. Выясняется, что Д. С. Лихачев с большой симпатией и сочувствием относится к крестьянству. «Кстати, крестьянство всегда стояло костью в горле у правительства, — констатирует он. — Крестьяне были свободны — они сеяли хлеб, продавали его кому хотели, назначая свою цену и т. д. До сих пор власти противодействуют созданию фермерского слоя, потому что фермерство — это *свободное предпринимательство* (курсив мой. — А. З.) огромных масштабов и никто не сможет в него вмешаться. Возрождение крестьянства очень важно, без этого положение в стране не улучшится... Закон о земле до сих пор не принят из опасения, что она вновь попадет в руки чиновников. Чиновник не может любить землю — ее может любить только крестьянин, который непосредственно, мускульно ее чувствует, знает, что от того, как он пашет и удобряет, зависит благосостояние его детей и внуков, к которым его земля перейдет. Она должна непременно переходить по наследству, чтобы в стране сформировался класс землепашцев» [44]. В другом выступлении Д. С. Лихачев снова возвращается к этому тезису: «В течение тысячи лет Россия была связана с земледелием. Недаром существовал культ земли, земледельческие праздники... Создать и упорядочить земельный кодекс — первая, самая важная задача, потому что когда в нашей стране будет упорядочено земледелие, когда будут законы, которые твердо гарантируют право на землю ее владельцу и его наследникам, тогда не будет и голода в России» [45].

Дмитрий Сергеевич не возражает и против введения платного высшего образования при определенных условиях. В 1993 году, основательно познакомившись с деятельностью Гуманитарного университета профсоюзов, он становится его почетным доктором. В силу сложившихся

обстоятельств (прекращения бюджетного финансирования) СПбГУП был вынужден с 1992 года первым в стране ввести платное обучение. Журналисты не преминули расспросить ученого о его отношении к этому факту. Ответ был таков: «...если у родителей есть возможность заплатить за воспитание собственных детей, за обучение в этом университете, то это лучший способ потратить деньги, получить от них достойную отдачу» [46]. Уже в таком ответе проявляется убежденность Д. С. Лихачева в важности социальной ориентированности механизмов экономического развития.

Нетрудно заметить, что эти его идеи полностью совпадают с существующими в экономической науке положениями о человеческом капитале. Понятие человеческого капитала, как известно, ввел еще А. Смит, который понимал его как капитализированную ценность приобретенных и полезных способностей всех жителей, членов общества. В книге «Экономикс», написанной С. Фишером, Р. Дорнбушем и Р. Шмалензи, дано следующее определение: «Человеческий капитал — мера воплощения в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию» [47]. Затраты на образование или обучение человека, полагал А. Смит, можно рассматривать как капиталовложения в его способность зарабатывать в будущем, аналогичные вложениям в вещественный капитал [48]. Эффективность таких инвестиций резко возрастает в условиях современной научно-технической революции.

Совершенно отчетливо соответствующие аспекты лихачевских воззрений проявляются в проекте «Декларации прав культуры» — документе, ставшем по сути научным и нравственным завещанием академика [49]. Понимая, что огромное количество культурных ценностей в мире сегодня сосредоточено в руках частных владельцев, Д. С. Лихачев предлагает международному сообществу принять следующий постулат: «Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обозрения...» [50]. Заметим, что верный своему пониманию ценностей, ученый и здесь проявляет равнодушие к материальным благам. Его волнует совсем другое — коммерциализация культурной жизни, способствующая распространению низкопробных, а зачастую и антигуманных проявлений. В этой связи академик выражает «...озабоченность усиливающейся экспансией антигуманных явлений массовой коммерческой культуры, угрожающих самобытности национальных культур и культурному развитию человечества в целом» [51]. Культура во всем мире должна охраняться государствами и быть общедоступной, поскольку «...является основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возвышения человека» [52].

По Лихачеву, культурное развитие и культурная солидарность в совокупности с экономической и политической интеграцией современного мирового сообщества могут составить залог толерантности, взаимопонимания и демократии, стать условием предотвращения войн и насилия [53].

Дмитрию Сергеевичу удалось предвосхитить одну из самых перспективных тенденций развития современной экономической мысли, а именно — синтез лучших сторон либерального и социально ориентированного подходов на основе совершенствования государственного воздействия на экономику и социальную жизнь. «Либеральные системы Запада... не видят сегодня экономику вне государственного регулирования, — пишет профессор Е. Ф. Чеберко и продолжает: — изменение форм государственного воздействия на экономику ни в коей мере не наносит ущерба становлению цивилизованного рынка» [54]. Разумеется, речь идет о том государственном воздействии, которое стало по мере исторического развития одной из высочайших форм цивилизованной человеческой деятельности, о государственном воздействии как своего рода достижении социально-экономического развития общества.

Современная экономическая мысль России настойчиво ищет пути такого синтеза. В качестве одного из ярчайших примеров назовем хотя бы концепцию академика Л. И. Абалкина («Теория исторического синтеза — предпосылка разработки долгосрочной стратегии»), изложенную в одном из номеров журнала «Вопросы экономики» [55]. В рамках данной концепции он предлагает «обобщить человеческий опыт за последние два — два с половиной века со времен промышленной революции и начала становления гражданского общества» [56] и одновременно выделяет три глобальных мегатренда, последний из которых (по порядку, но не по значению) — учет особенностей цивилизационного устройства общества. Л. Абалкин в этой связи пишет: «К сожалению, особенности цивилизационного устройства общества пока изучены крайне недостаточно. <...> цивилизационные особенности устойчивы и изменяются крайне медленно. Но до настоящего времени механизм или генетический код, с помощью которого осуществляется воспроизводство данного цивилизационного типа и который включает в себя культуру, традиции, верования, семейные предания и многое другое, все еще остается загадкой» [57].

Думается, изучение научного наследия Дмитрия Лихачева и, если более объемно, расширение на этой базе междисциплинарного диалога наук может способствовать преодолению указанной проблемы.

...Рассматривая историю человечества как непрерывный процесс борьбы культуры с дикостью, Добра со Злом, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев отмечает, что развитие культуры протекает совершенно по иным законам, нежели жизнь природы. Если в природе верх одерживает сильнейший, подтверждая законы дарвинизма, то в культуре

неуклонно побеждает Человеческое начало. Оно пробивается как трава сквозь асфальт, невзирая на вытаптывание. В этой связи, оперируя понятиями выдающегося ученого-гуманитария, можно утверждать, что культура неизбежно одержит победу над дикостью и в экономической сфере жизни общества.

Примечания

1. О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева : Указ Президента Рос. Федерации от 14 февр. 2006 г. № 110 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 8 (20 февр.). С. 906.

2. Проблемы сохранения и изучения культурного наследия : к 100-летию академика Д. С. Лихачева : материалы науч. сессии. Москва, 20 дек. 2006 г. / РАН, Отд-ние ист.-филол. наук ; отв. ред. А. П. Деревянко. М. : УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2006 ; Гуманитарные проблемы современной цивилизации : VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. / РАН, РАО, Конгресс петербургской интеллигенции, СПбГУП ; сост. и отв. ред. Г. М. Бирженюк. СПб. : СПбГУП, 2006 ; Культурное наследие Древней Руси : III Лихачевские чтения : Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 27–30 нояб. 2006 г. ; Роль духовного наследия Д. С. Лихачева в воспитании подрастающего поколения в сфере художественного образования : Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 19–20 дек. 2006 г. [организаторы: МГУКИ и др.] и др.

3. *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006 ; *Он же.* Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет : [в 3 т.] / сост. О. В. Панченко, М. А. Федотова, И. В. Федорова. СПб. : Арс, 2006 ; *Он же.* Заветное [сб.] / автор проекта и сост. А. А. Лиханов ; вступ. слово Д. А. Гранина. М. : Издат., образ. и культ. центр «Детство. Отрочество. Юность», 2006 ; *Он же.* Избранное: мысли о жизни, истории, культуре / сост., подгот. текста, вступ. ст. Д. Н. Бакуна. М. : Рос. фонд культуры, 2006 ; *Он же.* Письма о добром / предисл. пред. Совета Федерации Федер. собр. Рос. Федерации С. М. Миронова. СПб. : Logos, 2006 ; *Он же.* Раздумья о России. 3-е изд. СПб. : Logos, 2006.

4. Площадь Д. С. Лихачева : [сайт] / СПбГУП. URL: <http://www.lihachev.ru> (дата обращения: 26.11.2010) ; Год академика Лихачева [Электронный ресурс] / Междунар. благотвор. фонд им. Д. С. Лихачева. URL: <http://likhachev100.ifond.spb.ru> (дата обращения: 26.11.2010).

5. Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : СПбГУП, 2006.

6. См. например: *Гусейнов А. А., Запесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева : коммент. к кн. Д. С. Лихачева «Избранные труды по русской и мировой культуре». СПб. : СПбГУП, 2006 ; *Запесоцкий А. С.* Дмитрий Лихачев: многогранность научного наследия. СПб. : СПбГУП, 2006. (Избр. лекции Ун-та ; Вып. 47) ; статьи А. С. Запесоцкого: Д. С. Лихачев — выдающийся гражданин, просветитель, ученый // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 11. С. 1026–1030 ; О философской составляющей воззрений Дмитрия Лихачева // Вопросы философии.

2006. № 12. С. 95–98 ; Нам предстоит узнать Дмитрия Лихачева // Вопросы культурологии. 2006. № 8. С. 9–13 ; Академик Лихачев: взгляд из XXI века // Наука и жизнь. 2006. № 12. С. 16–21 ; и др.

7. Янин В. Л. Век Лихачева // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия. С. 8 ; Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — многогранность научного наследия // Там же. С. 26.

8. См.: Библиография работ Д. С. Лихачева // Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — великий русский культуролог. СПб. : СПбГУП, 2007. С. 215–290. (Новое в гуманитар. науках ; Вып. 21).

9. Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М. : Современник, 1979. Гл. : «Слово о полку Игореве». С. 165.

10. Лихачев Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. Гл. : Русская культура после татаро-монгольского нашествия до образования русского централизованного государства. С. 42.

11. Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Гл. : «Слово о полку Игореве» в становлении русской литературы. С. 182.

12. Тиханова М. А., Лихачев Д. С. Оборона древнерусских городов. Л. : ОГИЗ: Госполитиздат, 1942. Гл. : Киев — мать городов русских. С. 18.

13. Курбатова З. Ю. Воспоминания о Д. С. Лихачеве // Дмитрий Лихачев и его эпоха. Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / сост. и отв. ред. Е. Водолазкин. СПб. : Logos, 2002. Разд. : Дом. С. 40.

14. Гранин Д. А. Он был министром той культуры, которой власть не занимается / беседу вел М. Рутман // Очень^{UM}. 2006/2007. № 1. Спец. вып. : к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 22.

15. Лихачев Д. С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества : [выступ. на дискуссии «Судьба российской интеллигенции», 23 мая 1996 г. Дворец Белосельских-Белозерских] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 38.

16. Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

17. Галаган А. А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М. : Ось-89, 1997.

18. Гусейнов Р. История экономики России: учеб. пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг» : ООО «Изд-во ЮКЭА», 1999. С. 216.

19. Ляско К. Доверие и транзакционные издержки // Вопросы экономики. 2003. № 1.

20. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2003. № 1.

21. Бляхман Л. С. Фирма и структурные реформы в России: реальность и мифы // Мир фирмы : сб. науч. ст. / под ред. И. П. Бойко, Л. С. Бляхмана, Е. Г. Черновой. СПб. : ОЦЭиМ, 2005. Вып. 1. С. 46.

22. Там же. С. 46–47.

23. Роббинс Л. Предмет экономической науки // Thesis: теория и история эконом. и соц. ин-тов и систем : альм. 1993. Т. 1, вып. 1. С. 18.

24. *Рязанов В. Т.* Антропологический принцип в экономике // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 5 : Экономика. 2006. Вып. 1. С. 4.
25. Там же. С. 13.
26. *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М. : Прогресс, 1990. С. 77.
27. *Гусейнов Р.* Указ. соч. С. 202.
28. См., например: *Окрепилов В. В.* Высокое качество как выражение прогресса культуры // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева : II Междунар. Лихачевские науч. чтения, 23–24 мая 2002 г. СПб. : СПбГУП, 2003. С. 15–17 ; *Каменецкий В. А.* Экономика и культура (к соотношению главного и второстепенного) // Образование в условиях формирования нового типа культуры : III Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2003 г. СПб. : СПбГУП, 2003. С. 188–191 ; *Богомолов О. Т.* Экономика и культура // Культура и глобальные вызовы мирового развития : V Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–20 мая 2005 г. СПб. : СПбГУП, 2005. С. 9–12 ; *Каширин В. И.* Философия экономики: синтез экономики и цивилизационного детерминизма // Гуманитарные проблемы современной цивилизации : VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. СПб. : СПбГУП, 2006. С. 279–280 ; *Рубинштейн А. Я.* Культура в условиях административной и бюджетной реформ // Там же. С. 303–309.
29. См.: *Некителов А. Д.* Гуманитарное образование и реформы // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов : материалы ежегод. Междунар. науч.-практ. конф. «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 20–21 мая 1999 г. СПб. : СПбГУП, 2000. С. 20–21 ; *Арбатов Г. А.* Экономика и современность // Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева : Междунар. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2001 г. СПб. : СПбГУП, 2001. С. 134–135 ; *Петраков Н. Я.* Опора на интеллигенцию — залог выхода России из кризиса // Там же. С. 14–15 ; *Львов Д. С.* Нравственная экономика // Свободная мысль—XXI. 2004. № 9. С. 24–36 ; *Богомолов О. Т.* Экономика и общественная среда // Экономическая наука современной России. 2005. № 4. С. 7–17.
30. Переход к рынку // РГ, образ. совмест. решением М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, авг. 1990, Москва, Архангельское / подгот. С. Шаталиным, Г. Явлинским [и др.]. М. : Б. и., 1990. Ч. I : Концепция и Программа.
31. *Котц Д. М.* Государство и экономическая трансформация: российский и китайский опыт перехода к рыночной экономике // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 5 : Экономика. 2005. Вып. 2. С. 48–49.
32. *Львов Д. С.* Экономика и жизненный мир человека // Гуманитарные проблемы современной цивилизации : VI Междунар. Лихачевские науч. чтения. С. 26.
33. *Лихачев Д. С.* Великое наследие. СПб., 1997. С. 165.
34. *Лихачев Д. С.* «Язык указов мне глубоко чужд...» : из выступ. Д. С. Лихачева на президиуме Российского фонда культуры. 1992 год // Наше наследие. 2001. № 59–60. С. 97.
35. *Лихачев Д. С.* Нас ждет то, что мы сделаем сами : [выступ. на дискус. «Россия во мгле: оптимизм или отчаянье?», 15 окт. 1998 г. Дворец Белосельских-Белозерских] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 72.

36. Там же. С. 69–70.
37. *Лихачев Д. С.* Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 168.
38. *Лихачев Д. С.* Декларация прав культуры : проект идей : впервые представлена в СПбГУП на Дне знаний 1 сент. 1995 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 29.
39. Там же. С. 30.
40. *Лихачев Д. С.* Великая культура примирительна по своей сути : речь на Междунар. науч.-практ. конф «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», 22–23 мая 1997 г. // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 52.
41. Там же. С. 50.
42. *Лихачев Д. С.* Петербург в истории русской культуры : акт. лекция, прочит. 19 мая 1993 г. в день вручения Д. С. Лихачеву диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 13–14.
43. Там же. С. 15.
44. *Лихачев Д. С.* Спешите учиться : интервью 22 апр. 1998 г. Кабинет Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 62.
45. *Лихачев Д. С.* Нас ждет то, что мы сделаем сами. С. 71, 72.
46. *Лихачев Д. С.* Спешите учиться. С. 67.
47. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика = Economics / пер. с англ., общ. ред. и предисл. Г. Г. Сапова. М. : Дело, 1993. Гл. 17 : Человеческий капитал и профсоюзы. С. 303.
48. *Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики. [Т. 1]: В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо. М. : Эконом-Ключ, 1993. С. 165.
49. Декларация прав культуры : (проект). СПб. : СПбГУП, 1996 ; Декларация прав культуры : [окончат. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 81–90 ; Декларация прав культуры : [окончат. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП под рук. Д. С. Лихачева] // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. С. 388–397.
50. *Лихачев Д. С.* Декларация прав культуры (проект идей). С. 33.
51. Декларация прав культуры [окончат. вариант, разработ. коллективом ученых СПбГУП под науч. рук. Д. С. Лихачева] // Д. С. Лихачев — Университетские встречи. 16 текстов. С. 82.
52. Там же. С. 81.
53. Там же. С. 82.
54. *Чеберко Е. Ф., Бобров А. В.* Совершенствование управления государственным сектором экономики. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2005. С. 18–21.
55. *Абалкин Л.* Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. 2006. № 12. С. 16–17.
56. Там же. С. 16.
57. Там же. С. 17.